

«ИНТЕРНАЦИОНАЛ» В БОЛЬШОМ ТЕАТРЕ

(Окончание. Начало на 2-й стр.).

На фоне гимна победила революция.

Последний номер программы — «Интернационал» — был исполнен Дункан вместе с детьми (учениками ее школы). В исполнении «Интернационала» много прекрасных достижений, но номер еще не сделан. И все-таки неподдельная искренность победила все.

Под музыку оркестра, под пение всего зала Дункан вместе с детьми рабочих символизировала «Последний и решительный бой», торжественное шествие революции.

Айседора Дункан захватила, победила заполнивших зал московских рабочих».

Интересно еще одно свидетельство — воспоминания Христофора Пакова, ветерана болгарской авиации, долгое время жившего в СССР. Он тоже был 7 ноября 1921 года на вечере в Большом театре. Спустя полвека автору этих строк довелось беседовать с Х. Паковым.

— После того, — рассказал он, — как Луначарский в нескольких словах познакомил слушателей с творческим путем и личностью известной актрисы и одновременно рассказал кратко о содержании балета, который она должна была показать, открылся занавес. В зале царил тишина, все с напряженным вниманием ждали начала действия.

Перед зрителями на сцене были очертаны контуры земного полушария, в середине которого была изображена бывшая Российская империя и лежал раб, закованный в цепи.

Роль раба исполняла Айседора Дункан. Она изображала измученного тяжким трудом человека. Когда мелодия русской народной песни сменилась ненавистным царским гимном «Боже, царя храни», на сцене появилась фигура, представлявшая двуглавого орла. Фигура набросилась на раба, стала терзать его, завязалась отчаянная борьба. Царский гимн сменился «Марсельезой». Во время борьбы раб успел освободить руку и схватил одну из голов орла. И в тот же момент раздались звуки «Интернационала». Поборов орла, раб поднялся на ноги и с силой разорвал цепи. Начался «Танец свободы». На сцену вышла миловидная девочка с красной косынкой на голове, символизирующая Парижскую коммуну, а также стройные мальчики в национальных одеждах. Танец свободы завершили трехлетние дети.

Партер, ложи, балконы — все рукоплескало, отовсюду были слышны возгласы «бис». Во время этой бурной и несмолкающей овации на сцену снова вышел А. В. Луначарский. Он сообщил, что Дункан согласна повторить «Танец свободы», если зрители поддержат оркестр и споют «Интернационал».

И когда музыканты опять сыграли первые такты пролетарского гимна, сотни голосов подхватили его. Особенно дружно запели на галерке. Это была молодежь — бесплатные билеты в театр распределялись комиссией по проведению Октябрьских торжеств среди москвичей, так сказать, с учетом их возрастного ценза. И опускаясь все ниже и ниже по ярусам, песня росла, ширилась, пока не заполнила собой весь зал.

Это было редкое, по силе впечатления зрелище. «Интернационал» захватил буквально всех. Люди встали со своих мест. Женщины — многие были в красных косынках — размахивали ими в такт музыке, как флажками. Рядом с ними вырос лес мускулистых рук. Казалось, что зал и дирижер обращаются к музыкантам с призывом вложить всю силу и всю энергию в заключительный аккорд. И оркестр, как мог, ответил на этот призыв.

Естественно, что после этого был шквал аплодисментов. Раскланиваясь, на сцену вышла Дункан и ученики ее школы. На сцену вызвали и дирижера — это была его заслуга, что «Интернационал» с такой мощью прозвучал в Большом театре.

А когда закрылся занавес, зрители оживленно обсуждали увиденное — их восхищал факт интерпретации пролетарского гимна в форму искусства. Эта тема заняла важное место и на страницах театральных журналов.

Многие приняли танцы Дункан в Большом театре с восторгом, но некоторые расценили их как экспромт, обратив внимание на ограниченный диапазон движений, которыми пользовалась танцовщица. Но, конечно, все приветствовали саму идею Дункан — с «Интернационалом» выйти на балетную сцену, где до тех пор властвовал совсем иной мир — царство полусказочных принцев и фей.

После своего первого выступления А. Дункан предложила регулярно устраивать в Большом театре вечера, где бы идеи революции выражались с помощью искусства — танцем, музыкой,

словом; А. Дункан хотелось, чтобы на этих вечерах зрители не чувствовали себя отделенными от сцены, могли бы слить свой голос со звуками оркестра, могли бы вместе с артистами выразить в массовом, полном пафоса борьбе жесте свой революционный энтузиазм.

Так думали тогда новаторы. Они мечтали о том, чтобы в балете получили свое воплощение идеи революции, были затронуты темы героического плана. Конечно, путь к этому был сложен и труден, особенно в классической хореографии. Но пример был подан 7 ноября 1921 года, когда в Большом театре родился танец на музыку «Интернационала».

Б. ЛАВРЕНЮК,
корреспондент ТАСС.

134